

ЧЕРНЫЙ КРОЛИК

Мы с Генкой возвращались домой после купания в озере, и вдруг кто-то свистнул из-за забора частного дома. Это был Юрка Глотких. На самом деле Юркина фамилия была Гладких, но я когда-то давно решила, что она происходит от слова «глотка», да так и пошло.

Мы жили в крошечном поселке, в заводском общежитии, и я присматривала за Генкой с того дня, когда его принесли в наш барак пухлым карапузом. Местные были уверены, что Генка – мой младший брат, поскольку постоянно видели нас вместе. В раннем детстве Генка вечно таскался за мной. Когда он повзрослел, мы начали драться: из-за незамысловатых игрушек (разумеется, общих), Генкиного дерзкого языка, моей дружбы с другими мальчишками поселка, да и вообще, просто так. И все-таки мы были неразлучны. Я приходила присматривать за Генкой, когда его мать, тетя Валя, работала в вечернюю смену. «Хошь секрет? – спрашивал Генка, щурясь (от чего лицо его становилось недоверчивым и коварным). – Маме моей хоть звук – в глаз». Он изъяснялся лаконически. Я клялась, что никогда не выдам его секрет. Генка отодвигал тяжелую железную кровать, приглашая заглянуть в щель между кроватью и стенкой. За кроватью валялись груды яичной скорлупы, обглоданные куриные кости, скомканные бумажки, прочий мусор. «Там у меня помойка», – хвастался Генка. «Четко», –

одобрительно отзывалась я. Потом мы садились на пол перед тети-Валиной тумбочкой, открывали ее и принимались рыться внутри, изучая содержимое...

Итак, нас окликнул из-за забора здоровенный бугай Глотких.

– Здорово, мелюзга! – приветливо помахал он. – Заходи на перекур!

– Спасибо. Не курим, – с достоинством проговорил Генка.

– Кто бы сомневался, пузан. Ладно, все равно лезьте. Телик поглядим. Айда. – Юрка раздвинул кусты, открыв большую прореху в сетке забора.

Мы охотно приняли приглашение.

– Сейчас «Четыре танкиста и собака» начнут, – сообщил Юрка, запуская нас в дом.

– Четко, – обрадовался Генка. И в предвкушении киносеанса толкнул меня в бок.

Я знала, что Генка обожает «Четырех танкистов». Недавно мать наказала его, лишив на две недели телевизора. А тут такое везение!

Сама я к «Танкистам» была равнодушна, как вообще к кино. Мое раннее детство прошло вовсе без телевизора. Позднее, когда у нас все-таки появился «ящик», как называл его мой отчим Виталик, я проявила к нему полное безразличие. Читать любила, это да, но телевизором практически не интересовалась. Иногда смотрела вместе с родителями «Что, где, когда», реже – «Ну, погоди» или

отечественные приключенческие фильмы. «Четыре танкиста и собака» – фильм неплохой, только шел он в такое время, когда родители были на работе. В эти часы я предпочитала свободно болтаться по поселку, а не сидеть у «ящика».

Глотких пригласил нас в комнату, рассадил, как билетер в кинотеатре, и включил телик.

Все время просмотра Генка сидел прямой, вросший в табуретку, изредка со знанием дела перебрасывался репликами с Юркой. Мне было скучно... Поднявшись с места, начала бродить по комнате. С интересом разглядывала горку с посудой, старенькую вешалку, приколоченную у двери (Юрка похвастал, что она трофейная: привезена его дедом из фашистской Германии), и шифоньер, на котором валялись какие-то вещицы.

– Юрка, а что это? – спросила я, взяв в руку незнакомый инструмент с крутящимся зазубренным колесиком на конце.

– А-а, это? Алмаз, – небрежно отвечал хозяин, не отрываясь от экрана.

– Ты что! Алмаз – это камень драгоценный, – возразила я. – А тут какая-то резалка... Ой! Острая.

Я поранилась о зазубренное колесико и сунула палец в рот, чтобы остановить кровь.

– Сама ты камень, – фыркнул Юрка. – Алмаз – это струмент такой. Стекло резать. У моего бати вообще много струмента.

Отец Юрки Глотких был рабочим – как говорили, с золотыми руками. Конечно, выпивал, как все рабочие. Юркина мать Антонина Павловна трудилась воспитателем в детском саду. Она выгоняла пьяного мужа из дома с лаконичной формулировкой: «Где гулял, там и ночуй!» Старшего Глотких можно было найти спящим у родной калитки – Юрка заботливо подсовывал ему под голову подушку и укрывал ватником – либо на пляже, в своем ялике, покачивающемся у берега, с торчащими из-за бортика ногами в грязных ботах. Юрка, кстати, и туда притаскивал подушку и брезентовую накидку.

Юрка жалел отца, которого перерос уже на целую голову. Глотких, просидевший по два года в каждом классе, начиная с шестого, слыл самым великовозрастным восьмиклассником не только в нашей школе, но и во всем районе. Но надо было видеть, как он боялся своей матери, ни разу в своей жизни не произнесшей бранного слова, как поспешно сжевывал предательский окурок, когда она – руки в боки – появлялась у ялов на берегу озера, чтобы застукать его за курением.

– Погодь, фильм кончится, я тебе покажу, че за алмаз, – сказал Юрка. – А покамест положь и сядь.

– Правда, Танька, заколебала ходить тут и греть, – поддержал Генка.

Послушавшись, я села на деревянный стул с резной спинкой. Он был жесткий и неудобный, однако на кровать, украшенную высокой горкой подушек, покрытых кружевной накидкой, Глотких садиться запретил.

Долго не усидела: «струмент» Юркиного отца магнитом притягивал. Тихонько встав, я подошла опять к шифоньеру и взяла в руку алмаз. Поискала взглядом подходящее, стеклянное, отдернула тюль и, не найдя ничего лучшего, полоснула зубчатым колесиком по оконному стеклу.

В ту же секунду прямо на моих глазах вид за окном словно накрылся мелкой, тонко прорисованной паутиной. Несколько мгновений я, приоткрыв рот, смотрела сквозь эту паутину на бегающих по двору кур, блаженно катающегося по траве щенка и несущегося вдоль забора пацана на мопеде. А затем стекло почти беззвучно ухнуло вниз, разбрызгиваясь, как выплеснутая из ковшика вода, и мелкой крошкой бисерно рассыпалось по подоконнику. Всего три приглушенных звука: «взз!» – чиркнуло колесико; «уух!» – стремительно ушло вниз стекло, как мое сердце в пятки; «дддзынь!» – дробно просыпался стеклянный град. И все. Дыра. Лишь укоризненно торчали снизу два кривых зазубренных кинжала, воинственно выделяясь на фоне рассохшейся рамы. В комнату тут же ворвался веселый ветерок.

И я, и Юрка с Генкой, подскочившие к окну, стояли молча, оцепенев от ужаса.

– Вы-ы! Валите отсюда! – зарычал, затрясся Юрка, толкая меня, а затем Генку к выходу из комнаты.

– А кино? – квакнул было Генка, но я уже бежала по двору, не слушая, как он канючит.

Лепетать извинения, предлагать «восполнить ущерб» было бессмысленно. Чем мы поможем убитому горем незадачливому хозяину дома? Без нас ему даже проще будет отмазаться. Например, наврать родителям, что кто-то с улицы кинул камень и разбил окно. Родители, возможно, еще порадуются, что не пострадали ни сынок-обалдуй, ни самый ценный предмет в доме – телевизор.

Я улепетывала с такой скоростью, что взбешенный Генка догнал меня только у нашего общежития.

Удивительное нахальство! Через пару дней мы шли к Юрке «досматривать фильм». С собой несли, в качестве извинений, два огромных магнита.

– ...Целый год магнитили, – убивался жадный Генка. – И вчерашнюю серию из-за тебя пропустил!

У тебя аллергия на слезы, – всегда говорила мама. – Посмотри, какая некрасивая ты становишься, когда поплачешь: вся опухшая, в красных пятнах. Это тебе знак, что плакать нельзя. В страшных ситуациях нужно быть злой и сосредоточенной.

С девочками только начни дружить – быстро докатишься...

Юрка на удивление легко нас простил и принял обратно. Видимо, маялся бездельем. Разбитое мною стекло уже было заменено, а разошедшаяся оконная рама зашпатлевана и выкрашена голубой краской.

– Все сам делал! – похвастал Юрка. – Батя работу принимал – похвалил.

Мы уважительно промолчали.

– Только батин струмент уже не тронь, – предупредил меня Юрка. – А то всю харю раскровеню.

Перед началом просмотра он принес в комнату черного вислоухого кролика.

– Батя купил в городе, – пояснил он. – В этом году кроли гладкие, жирные, оттого что клевер хороший взошел.

Мы с Генкой подошли ближе и принялись рассматривать зверька. Одно ухо у него было с белым кончиком, и он смешно фырчал, когда Глотких щекотал ему нос.

– Дай подержать! – попросила я.

– Бери. – Глотких равнодушно сунул мне кролика в руки, как будто ему было совсем не жаль расстаться с таким сокровищем.

Кролик оказался теплым и мягким на ощупь. У меня аллергия на кошек, из-за этого я не могу их гладить и брать на руки. Но – странная вещь – на кролика никакой аллергии не было. Потерлась носом о его бархатные уши – ничего! Кролик фырчал и подрагивал, а потом уютно устроился на моих коленях и задремал.

– Дай его мне, – потребовал Генка, нетерпеливо наблюдавший, как я играю со зверьком.

– Видишь – он спит.

– Я тихонько...

Генка осторожно взял кролика у меня из рук и прижал к груди.

– Дышит, – грубовато-умиленно проговорил он. –

И сердечко ишь как колотится...

Теперь в доме Глотких и у меня появилось занятие. Юрка и Генка уже досмотрели «Четырех танкистов», но кинопоказы продолжились. Когда мы приходили, мальчишки торчали у «ящика», а я тешкалась с кроликом. Он уже узнавал меня, добродушно фырчал, тычась в мои руки. Я чесала ему за ухом, терлась о мягкую шерстку щекой. Только кормить его Юрка не разрешал, а на вопрос, как зовут кролика, удивленно уставился на меня, а потом махнул рукой: «А, Кешкой зовите». Когда Генка отрывался от «ящика», он тут же перехватывал у меня Кешку и сам возился с ним.

Однажды мы пришли к Юрке, когда его отец был дома. Юрка стоял на крыльце с кроликом на руках. Мы подошли, и я только протянула руку к Кешке, как появился отец Глотких. Нам он коротко кивнул, потом подошел к сыну, и тот отдал ему кролика.

То, что произошло следом, до сих пор стоит у меня перед глазами. Во дворе у гаража стоял самодельный верстак – пень с прибитой к нему длинной ровной доской. Юркин отец положил кролика на доску, левой рукой придерживая маленькое тельце. В правой его руке откуда-то появился молоток. Размахнувшись, рабочий ударил кролика молотком по голове!

Мы с Генкой заорали одновременно. Генка бросился к верстаку, я – от него. Забившись в угол двора, где рос плотный кустарник, решила оглянуться. Отсюда было видно, что Кешка еще жив: он лежал и шевелил лапками.

– Что ты делаешь! Перестань, гад, фашист! – орал Генка, вытанцовывая вокруг старшего Глотких и пытаясь отобрать у него молоток.

Рабочий спокойно, почти без усилия отвел Генкину руку, при этом удерживая самого мальчика на расстоянии, и коротким ударом добил кролика.

Мы с Генкой рыдали. Юрка неуклюже пытался нас утешить.

– Вот дурни заводские, – недоуменно говорил он. – Крольчатину жрать небось любите? А че ревете? Кроликов этих в городе вон скока! Начнем всех жалеть – с голоду вспучит...

Мой левый глаз от слез почти не открывался. «У тебя аллергия на слезы, – всегда говорила

мама. – Посмотри, какая некрасивая ты становишься, когда поплачешь: вся опухшая, в красных пятнах. Это тебе знак, что плакать нельзя. В страшных ситуациях нужно быть злой и сосредоточенной».

Я вспомнила мамины слова – и стала злой и сосредоточенной.

– Генка, пошли, – проговорила я, подходя к другу и обнимая его за плечи, как старшая сестра.

Генка, ослабевший и податливый, стоял и смотрел на кролика, не отрываясь. Посмотрела и я. Кешка безучастно лежал, вытянув задние лапки и поджав передние; выпученные глаза закатились и налились кровью.

Я взяла Генку за руку, и мы двинулись на выход – не к лазу, как всегда, а к калитке. Старший Глотких, криво улыбаясь, словно ему было неловко перед чужими детьми, посреди двора раскладывал на клеенке острые ножи.

– Давайте, валите! – презрительно крикнул нам вслед Юрка.

И, коверкая голос, пропищал:

– Городски-ие, вон какие-ие! Чистенькие ручки, клетчатые брючки!

Это была правда. В каждом из нас, командированных, хоть и выросших в заводском поселке, ничего не знавших, кроме него, стучал и бился Город, куда мы когда-нибудь возвратимся. И, пусть мы жили в бараке без горячей воды и мылись в общественной бане, мы отнюдь не были сельскими жителями.

Через час вернулись к Юркиному участку. Страх и любопытство подстрекали глянуть, что происходит там. На сетчатом заборе висела выпотрошенная черная шкурка. Юркина мать вынесла из дома таз, наполненный бурой кровью, и выплеснула его содержимое в выгребную яму.

– К Глотких больше – ни ногой, – глухо проговорил Генка.

И лаконично добавил:

– Пойдешь – в глаз.

СХВАТКА С БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ

Когда мне было четырнадцать, в нашем доме появилась импортная вещь. Моему отчиму, которого я по детской привычке называла Виталиком, подарили дипломат с кодовым замком. Вручая, важно подчеркнули: «Японский!»

Теперь каждый вечер мы с мамой заставляли Виталика с дипломатом на коленях. Он, словно ребенок, получивший в подарок самосвал с опрокидывающимся кузовом, или кот, увлеченный блестящим шариком на нитке, наслаждался безделушкой – подолгу рассматривал дипломат, щелкал замками, – пока не наигрался и не охладел. Сложил туда импортные блокноты и еженедельники, привезенные из-за границы его братом, гендиректором совместного предприятия, убрал в шкаф и забыл.

Не забыла я. Дипломат магнитом притягивал, побуждая влезать в родительский шкаф и без спроса трогать чужую вещь, вытаскивать, открывать и закрывать. В мечтах я приходила с дипломатом в школу, и у Нельки Трифоновой с ее драным, грязным рюкзаком отваливалась челюсть.

Однажды я в очередной раз влезла в дипломат, вытряхнула на диван Виталикины блокнотики и принялась разглядывать кодовую систему. Три колесика по девять цифр. Сколько там комбинаций? Тридцать? Или больше? Интересно, как устанавливают код? Надо будет спросить у Виталика, когда он пораньше придет с работы.

Покрутила колесики туда-сюда; выставила все единицы, потом – двойки, тройки... перемешала ряды цифр. Заскучав, захлопнула дипломат. Раздался тихий щелчок. Я подергала замки – и похолодела: дипломат был плотно запечатан. Сама того не зная, я нечаянно установила какой-то код, без которого замок теперь не откроется. В панике принялась набирать и сбрасывать комбинацию за комбинацией... Безуспешно. Катастрофа! Перехватило горло, тягуче заняло за грудиной, а затем в животе; то постепенно разрастался липкий ужас.

Заметалась по комнате. Выбежала на балкон. Броситься, что ли? Но... пятый этаж! Слово со стороны я слышала собственное прерывистое дыхание; кто-то рядом плакал и повторял: «Нет, не надо, откройся, пожалуйста!»

Что сделают со мной, когда узнают, что я сломала дорогую уникальную вещь? Виталик так радовался подарку. Что теперь он скажет? Пожалее, что столько лет воспитывал меня, тратился на мои книги, сапоги и пальто, занятия музыкой? А мама? У мамы «язык без костей» – так бабушка говорит...

Однажды я, еще второклашка, вилок выцарапала на лакированной крышке купленного мне подержанного пианино «ТАНЯ». Виталик тогда сказал: «Давай я твоей кукле нос отрежу – ты огорчишься? Вот и мы расстроены. Это называется – вандализм!» Мне было стыдно. А ведь японский дипломат – это даже

Блокноты и еженедельники, извлеченные из дипломата, перекочевали в мой диван. Дипломат к приходу родителей я ставила на прежнее место. Звук поворачиваемого в замке ключа был сравним со щелчком автоматного затвора для диверсанта.

не пианино «Красный Октябрь», его никогда и нигде не купишь – проще маме с Виталиком заменить меня другим ребенком... Холодея, я вспомнила, как кричала бабушка, выведенная из себя моими детскими выходками: «Куплю другую девочку!»

Нет, пожалуй, мне не компенсировать родителям этот ущерб ни помощью по дому, ни отличными оценками... Да и где их взять?

...Зазвонил телефон: Нелька Трифонова. Настоящий друг всегда появляется вовремя!

– Нелька, срочно приходи, – проныла я в трубку. – У меня несчастье!

– Ды-ы? Ну, чего там стряслось? – что-то жуя, заинтересовалась Трифонова.

– Придешь, расскажу.

– Ладно, – после небольшой паузы согласилась Нелька. – Жди.

Она явилась через полчаса. Тихонько поскуливая, я путано рассказывала о случившемся.

– Ну и тупизм! Я поражаюсь. Это хуже, чем ключи в канализационный люк ронять, – прокомментировала Нелька.

И сразу взяла деловой тон:

– Что делать будем?

– Не зна-аю...

– Давай попробуем набрать нужную комбинацию, – предложила Трифонова. – У меня через полтора часа тренировка по ушу, так что время есть. Возьми листочек, чтобы комбинации записывать. И не реви, справимся. Их там сколько всего – тридцать?

– Нет, по-моему, триста...

Математики, блин!

– Тоже ерунда.

Я кивнула, обезволенная: хорошо, что есть Нелька, которая все берет в свои руки.

...Полтора часов не хватило. Комбинаций оказалось столько, что мы и не предполагали, и с каждой неудачей их становилось больше и больше! На следующий день мы с Нелькой завели специальную тетрадь. Ее страницы украсились длинными колонками перечеркнутых цифр. Я последовательно набирала одну комбинацию за другой, говорила «нет», Трифонова вычеркивала, и мы шли дальше.

Блокноты и еженедельники, извлеченные из дипломата, перекочевали в мой диван. Дипломат к приходу родителей я ставила на прежнее место. Звук поворачиваемого в замке ключа был сравним со щелчком автоматного затвора для диверсанта. Хлопала дверь, раздавались голоса мамы и Виталика, продолжавших разговор, который они вели в дороге. Работали они в разных отделах: Виталик – начальником лаборатории, мама – инженером-экономистом. Тема одна, люди общие, но весь день врозь, – им было что обсудить.

Разувшись и раздевшись, мама без стука заглядывала в мою комнату.

– Слушай, Танька, колготки тебе «оторвала», – восклицала она, и я поворачивалась к двери с дежурно-приветливой миной. – Серые и черные. Давали по две пары в руки, но я возмутилась: «Вы что, у меня три дочери! Четырнадцать и пятнадцать лет». Продавщица ехидно: «А третья сколько?» Я не растерялась: «Двум – четырнадцать, одной – пятнадцать». Очередь ржала. Вот, держи две пары; третью себе оставляю.

Я благодарила, радовалась и впрямь ценному подарку... Вечерами, сжавшись в комочек на своем диване, слушала доносившиеся из-за стенки разговоры родителей. При скрипе дверцы шкафа мое сердце пропускало экстрасистолу. Но мама и Виталик между собой говорили только о работе, других тем не было. До меня доносилось: «контрагенты», «приемка», «испытания», «военпреды», «скользящий график»... Ни одного упоминания о дипломате с кодовым замком. Он был забыт, фактически брошен в чулан ненужных вещей. А мог быть отдан мне, и я ходила бы с ним в школу, а не сидела на диване, как воровка, подслушивая и гадая: разоблачат, не разоблачат?

Прошло больше месяца. Комбинаций оказалось невероятно много. Мы с Нелькой угодили прямоком в Бесконечность. Каждый день занимались бессмыс-

Загнанная в угол,
придавленная,
я заговорила, сознаваясь
в содеянном. Говорила
быстро, захлебываясь,
слова сталкивались, как
стеклянные шары, чуть
не опережая друг друга,
а силуэты подрагивали,
отдаляясь и приближаясь.

ленным подбором цифр; две-три тетрадные страни-
цы оказывались исписаны. Устав и одурев, мы отды-
хали: жарили картошку, пили чай, читали книги из
родительской библиотеки, выискивая «пикантные
подробности», как это называла Трифонова.

– Ладно, – благодушно говорила она, – тащи своего
Цвейга!

– Может, лучше Жоржи Амаду?..

Уходя домой, Нелька произносила заговорщицким
тоном:

– Завтра продолжим.

Все кончилось неожиданно. В субботу я верну-
лась с прогулки, а дома – генеральная уборка. Сту-
лья, комод, тумбочки – все было сдвинуто со сво-
их мест. Блестел свежeweмытый, еще не просохший
паркетный пол, на диванах валялись извлеченные
из шкафов вещи. Мама подступила ко мне с тетрад-
кой, раскрытой на середине:

– Объясни: что это?

– Что? – переспросила я, тупо глядя в знакомые
столбики перечеркнутых цифр.

– Что это за письма? Моя дочь вступила в сек-
ту? Или заболела шизофренией? Или нюхает клей
«Момент»? – Вопросы, один страшнее и бредовее
другого, накатывались на меня, как волны на не-
мой береговой валун.

Я застыла, тщетно пытаюсь сочинить хоть ка-
кое-то внятное объяснение. Мама ждала. Тут из
большой комнаты, где тоже были открыты шкафы
и валялись на стульях вещи, показался Виталик
с дипломатом в руках и озабоченно спросил у мамы:

– Лида, ты не знаешь, почему мой дипломат не от-
крывается?

Прихожая, вешалка, зеркало, раскачивавшиеся
передо мной, помутнели. Родители стояли насуп-
ленные, мама – с тетрадкой, Виталик – с диплома-
том. Загнанная в угол, придавленная, я заговорила,
сознаваясь в содеянном. Говорила быстро, захлебы-
ваясь, слова сталкивались, как стеклянные шары,
чуть не опережая друг друга, а силуэты подрагива-
ли, отдаляясь и приближаясь.

– Ты рылась в наших вещах? Тебя что, показать
психиатру? – Это мама.

– Почему дипломат такой легкий? Я туда сложил
расчеты по диссертации, и сейчас они мне пона-
добились. – Это Виталик.

И тут я вспомнила, вспотев, что один из блокно-
тов был заполнен: какие-то записи, цифры... У Вита-
лика был практически нечитаемый почерк: стрел-
ки-слова, прямые линии с изредка выныривающими
хвостиками. Я бросилась в свою комнату, полезла
в диван, в ящик для белья. Извлекла оттуда блокно-
ты, принесла их в родительскую комнату, вывалила
на стол. Виталик тут же схватил один и принялся
листать. Как будто я могла уничтожить записи!

– Расчеты по диссертации! Ты хоть знаешь, что все
наши работы засекречены? – поинтересовалась
мама. И ни к месту рявкнула: – Может быть, ты
завербована? Кому ты нас продаешь?

Удар под дых! Несмотря на давность, мы все –
мама, Виталик и, к стыду своему, я сама – помнили
позорный случай: после второго класса я гостила
у бабушки, и та подучила меня написать миротвор-
ческое письмо Рейгану, а потом «слила» родителям.
Наверное, бабушка думала, что родители умилятся.

На каких частотах орала мама, какие слова она
мне говорила! «Мы работаем на оборонку! Нас уво-
лят, посадят, расстреляют, а ты пойдешь в детский
дом!» Виталик стоял с каменным лицом...

И вот я снова проштрафилась. Тогда – написала
президенту чужой державы в разгар холодной вой-
ны, сейчас – испортила кодовый замок и похитила
секретные расчеты. Только второе прегрешение
уже не спишешь на детскую несознательность. «Мы
в тебя столько вложили», – любила повторять мама.

Мне хотелось крикнуть им, что я чуть не бро-
силась с балкона... Но тут Виталик, не выносивший
драматических сцен, выставил вперед ладонь.

– Татьяна, – проговорил он сухо, – такого я от
тебя не ожидал. Я попросту не знаю, как мне
теперь жить под одной крышей с человеком, ко-
торый ведет себя подобным образом... роется
в моих личных вещах. Тебе должно быть стыдно.

Мне и правда было стыдно.

- Пожалуйста, прости, что я испортила дипломат, – пробормотала я, обращаясь к Виталику. – Мы с Нелькой подберем комбинацию и откроем его...
- Только этого не хватало – чтобы еще и Нелька!.. Нет уж, хватит твоих комбинаций! Удались к себе и... седи обдумывая свое поведение.

Виталик махнул рукой, показывая, что вопрос исчерпан, но, спохватившись, строго добавил:

- На неделю ты лишена телевизора! И никаких Нелек в нашем доме. Поняла?
- ...И это – все?!

Что ж, «схватка с бесконечностью» завершилась победой бесконечности. А дипломат я позже вскрыла с помощью стамески. Кодовый замок не работал, но замочки по бокам защелкивались и отщелкивались – пользоваться можно. Когда Виталик пришел с работы, я бросилась к нему и похвасталась, что открыла злополучный дипломат. Виталик и сам улыбнулся, видя мою радость. Поблагодарил, опять сложил в дипломат свои блокноты. И убрал уже на антресоли, на веки вечные.

Десять лет спустя, похоронив Виталика, мы с мамой разобрали его вещи, и я взяла дипломат себе на память. Внутри лежали пожелтевшие ежедневники, произведенные в Великобритании, Германии, Японии. Настоящие сокровища для подростка восьмидесятых!.. В дипломат я сложила свои «архивы» – письма и фотографии забытых подружек из пионерлагерей и больниц, собственные детские рисунки, коллекцию календариков – и убрала подальше. А блокноты были потом изрисованы моими детьми и выброшены.

Еще через двадцать лет наткнулась на этот артефакт, когда выгребала хлам из антресолей и «темных», и удивилась, какой он потертый, поцарапанный. А ведь им вообще не пользовались – не ходили с ним на службу, не ездили в транспорте, не ставили его на пол в учреждении. Зачем-то хранили, берегли. Почему-то считали, что дипломат слишком хорош для нас. Так прошла его бестолковая японская жизнь...

Я смотрела на дипломат, думала, как непоправимо рано ушел Виталик – в бесконечность, к которой никому не подобрать код, – и плакала.

